

instead of merely enumerating the contents and merits of a piece of research. The

reader will discover all the numerous merits when reading the book.

REFERENCES

- Lehiste, I. 1965, The Function of Quantity in Finnish and Estonian. — *Language* 41, pp. 447—456.
- — 1966, Consonant Quantity and Phonological Units in Estonian, Bloomington—The Hague (UAS 65).
- — 1970, Suprasegmentals, Cambridge, Massachusetts—London, England.
- Tauli, V. 1973, Quantity and Accent in Estonian. — *Commentationes fenno-ugricae in honorem Erkki Itkonen*, Helsinki (MSFOu 150), pp. 390—403.
- Vihman, E. 1974, Estonian Quantity Re-viewed. — *Foundations of Language* 11, pp. 415—432. (Review of Lehiste 1966.)

TIIT-REIN VIITSO (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1975.3.11>

Фразеологический словарь мордовских языков. Составитель Р. С. Ширманкина, под редакцией Д. В. Цыганкина. Мордовское книжное издательство, Саранск 1973. 222 стр.

Специального словаря фразеологизмов мордовских языков до сих пор не было. Фразеологизмы приводились лишь в словарных статьях существующих мордовских словарей. Фразеологический словарь, составленный Р. Ширманкиной, представляет собой довольно удачную попытку восполнить этот пробел в мордовской лексикографии.

Естественно, создание словаря потребовало и теоретической разработки вопросов мордовской фразеологии, что сделано автором в ранее написанной работе «Фразеология мордовских языков» (1970, канд. дисс.).

Для более полного раскрытия природы фразеологизма в монографии дается определение фразеологической единицы, ее сопоставление со словом как единицей языка, а также со словосочетанием, с парными словами, которых очень много в мордовских языках, пословицами и поговорками.

Некоторые теоретические положения о фразеологизмах нашли место во вступительной статье. Автором четко определены критерии выделения мордовских фразеологизмов, установлены границы фразеологических единиц, их типы.

С точки зрения образования Р. С. Ширманкина выделяет следующие типы фразеологических единиц: 1) устойчивые ме-

тафорические сочетания, представляющие собой составные названия, переносимые на основе сходства признаков с одного предмета или явления на другой предмет или явление; 2) фразеологические единицы с изобразительными словами; 3) устойчивые сравнения (эрз. *прок толдо пелемс* 'сильно бояться', эрз. *кода ой ланга*, мокш. *кода вай ланга* 'как по маслу' и др.); 4) эллиптические устойчивые сочетания, имеющие разнообразную грамматическую структуру (эрз. *а кулозь а жив*, мокш. *аф жив аф кула* 'ни жив ни мертв', эрз. *а тей а тов*, мокш. *аф сей, аф тов* 'ни туда ни сюда' и др.); 5) эмоционально-экспрессивные выражения междометного характера, количество которых в мордовских языках значительно.

Во вступительной статье дается характеристика структуры словаря.

Для обеспечения наиболее удобного пользования словарем фразеологизмы в нем расположены в алфавитно-гнездовом порядке. И варианты и некоторые производные формы размещены внутри словарной статьи. Толкование значения фразеологических единиц дается на русском языке. После заголовка статьи идет помета, указывающая, какому языку принадлежит фразеологизм (эрзянскому или мокшанскому). Тщательно продумана система ссылок.

Автором проделана огромная работа по сборанию и систематизации фразеологических единиц мордовских языков. В словарь их включено около двух тысяч, все статьи проиллюстрированы соответствующими цитатами.

При составлении словаря использованы все существующие лексикографические источники мордовских языков, привлечен богатый иллюстративный материал из произведений художественной литературы, устного поэтического творчества и периодики. Однако было бы целесообразно указать в паспорте примеров после названия источника и страницу, откуда извлечен иллюстративный материал.

Фразеологические единицы в словаре передаются полными или частичными эквивалентами русского языка. Если образы, лежащие в основе фразеологизмов, расходятся далеко, то дается и дословный перевод. Иногда фразеологические единицы переводятся одним словом или описательным словосочетанием. Перевод такого характера не всегда точно передает выразительные возможности эрзянских и мокшанских фразеологизмов.

Р. С. Ширманкиной удалось показать фразеологическое богатство двух близкородственных мордовских языков, отметить их специфические особенности, фонетические и морфологические расхождения.

Настоящий словарь является первым опытом подобного типа, поэтому он не лишен отдельных упущений и погрешностей.

Границы фразеологических единиц в словаре в некоторых случаях определяются не совсем четко. Иногда в состав фразеологизма включаются лишние элементы, часть контекста: *секе неевтезэ ильнесь* 'и след простыл; и был таков'. Здесь фразеологизм *секе неевтезэ*. Глагол *ильнесь* чаще всего в устной и письменной речи не употребляется.

В рецензируемом словаре не нашло отражения такое важное свойство фразеологизмов, как синонимия; не приводятся и антонимы.

Не всегда у многозначных фразеологических единиц фиксируются все значения. Так, эрз. *петемс седей*, кроме 'успокоить, удовлетворить желание', имеет значение 'вкусно поест, поест с аппети-

том'; у фразеологизма эрз. *кортамс ве валсо* 'придерживаться одних взглядов, одинаково выражать свои мысли' не отмечено значение 'сговориться'.

Совершенно не комментирован фразеологический материал с точки зрения стилистической принадлежности. Не подчеркнута такая способность фразеологических единиц, как определенная лексическая и грамматическая сочетаемость.

В словаре нередки случаи подачи фразеологизмов лишь одного языка — или мокшанского или эрзянского. Так, не приводятся мокшанские эквиваленты эрзянских фразеологических единиц *ёртнемс стенас кснавт* 'как об стенку горох' (53 стр.), *низелгавтнемс пейть* 'насмехаться над кем-то'. Или, наоборот, даны только мокш. *валовомс верса* 'покраснеть, залиться румянцем', *нолдам нярь* 'опустить голову, взгрустнуть' и т. д.

Вне поля зрения автора остался ряд широкоизвестных фразеологических единиц: эрз. *седеем нурьгамсь* 'обессилел, ослаб', *сонсензэ соды* 'знай себе', *нолдам пря (нерь)* 'стать печальным', *кальде кальс каль гарадс* 'еле-еле', *лоск меремс* 'отдохнуть', *салмукс варява лиси* 'пронырливый', *калада курго* 'плакса' и др.

Следует отметить, что словарь для практического пользования труден. Он трехязычный. Эрзянину, нашедшему нужный эрзянский фразеологизм, приходится воспользоваться ссылкой к мокшанскому эквиваленту и только там найти толкование необходимой единицы. В таком же положении оказывается носитель мокшанского языка.

Не всегда в словаре фразеологические единицы даны в алфавитном порядке. Фразеологизм *прясто пильгс* (стр. 153) помещен до *пильгста пряс*; *бта седиезе марязе* (стр. 164) попал к фразеологизмам на букву *с*, причем дан без толкования.

На наш взгляд, не являются фразеологизмами такие сочетания слов, как эрз. *поладомс вал* 'просить слова' (стр. 18), эрз. *саемс вал* 'держат речь, выступать на собрании', эрз. *сась пе* 'пришел конец'. Ни один компонент названных фразеологизмов не потерял своего лексического значения и не приобрел переносного.

В целом рецензируемый словарь как первый полный фразеологический словарь

мордовских языков заслуживает весьма высокой оценки. Что же касается сделанных замечаний, то они не снижают прак-

тической ценности его и при переиздании могут быть учтены составителем.

Р. Н. БУЗАКОВА (Саранск)

Giuliano Pirotti, Grammatica vogula. Quaderni Italo-Ungheresi 3, Parma 1972, XXXIX + 291 стр. 2 текстовые карты.

Работа начинается с изложения общих проблем финно-угорского языкознания, а также некоторых исторических фактов. Автор грамматики выступает сторонником урало-алтайского языкового родства и с этих позиций строит вступительную главу. Прежде всего он дает обзор литературы начиная с конца XVIII в. о родстве алтайских и уральских языков. Коротко затрагивается и вопрос о родстве индоевропейских и финно-угорских языков.

Далее приводится обзор уральских языков. При этом ижорский рассматривается как самостоятельный язык, а не диалект финского, что характерно для многих других работ; самостоятельным языком представлен и людиковский, его самостоятельность поддерживает, между прочим, и хороший знаток его Пертти Виртаранта. Эрзянский и мокшанский принимаются за два диалекта одного языка. Верно описаны самодийские языки. Среди других к ним отнесен юкагирский, принадлежность которого к уральским языкам в последнее время находит все больше сторонников. Приводит автор и обзор алтайских языков.

При рассмотрении вопроса о распространении мансийского языка и его диалектов Дж. Пиротти опирался на соответствующие работы М. Жири и Б. Кальмана. Названы три диалектные группы — северный, средний и южный, или тавдинский, диалекты. Такая группировка отличается от традиционной, согласно которой вместо т. н. среднего диалекта выделяются западный и восточный (по Б. Мункачи).

Древняя история финно-угров дана кратко и обобщенно и, к сожалению, опирается на несколько устаревшие данные, особенно в вопросе о разветвлении языков. Однако верно замечено, что финно-

угры уже в древности знали и лошадь как домашнее животное, не только собаку. Угры тем более издавна были наездниками.

Этноним *māñsi* связывается с соответствующей этимологической параллелью венг. *magyar*, что подкрепляют и другие языковые данные, ведь мансийский и венгерский — языки близкородственные.

Отдельная глава посвящена описанию прежних и нынешних территорий расселения манси, их быта и образа жизни. Здесь же излагается история исследования мансийского языка и его состояние в наше время.

В главе, посвященной истории угров, затронут вопрос о том, что могло обозначать «Magna Hungaria» у монаха Юлиануса. Дж. Пиротти считает, что это название могло принадлежать как территории расселения манси, так и территории тех венгров, которые оставались после того, как основные племена покинули свою прародину.

Следующая глава грамматики содержит описание фонологической системы мансийского языка. В отношении транскрипции автор основывается на работах Б. Кальмана и Е. Ромбандеевой, которые пользуются фонологическим способом обозначения. Транскрипцию примеров, почерпнутых в предшествовавших работах, он упрощает; так, примеры А. Каннисто, которые приводятся очень часто, даны в упрощенной транскрипции в соответствии с таблицей на стр. 271. При описании фонологической системы мансийского языка выделены вокализм, консонантизм и ударение. Вместе с тем рассматриваются различные звукоизменения в корне, морфемах и фонемах: изменения корня, чередование фонем, или звукоизменения в основе, гармония гласных, сандхи и т. д. Упомянутые явления иллюстрируются и